

DOI: 10.31168/0433-6.9

ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ
Доктор исторических наук ведущий научный
сотрудник Институт славяноведения РАН
andrey_ganin@mail.ru

**«Теперьшняя наша жизнь – не жизнь, а только
существование...». Русские офицеры в Королевстве сербов,
хорватов и словенцев по материалам архива генерал-
лейтенанта П.И. Аверьянова**

Аннотация: Статья посвящена отражению деятельности русских офицеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в материалах архива генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова.

Ключевые слова: Офицеры, русская военная эмиграция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, П.И. Аверьянов.

Один из ярких представителей корпуса офицеров Генерального штаба генерал-лейтенант Петр Иванович Аверьянов (05.10.1867–13.10.1937) был видным отечественным военным деятелем, разведчиком и востоковедом¹. Длительное время он находился за рубежом, служа в российском посольстве в Стамбуле и военным агентом в Эрзеруме. В годы Первой мировой войны исполнял должность начальника Генерального штаба. В 1917 г. являлся генеральным комиссаром и главноуправляющим турецкими областями, занятыми русскими войсками по праву войны. Участвовал в Белом движении на Юге России, эвакуировался из Крыма в 1920 г., поселившись в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Умер в Белграде и похоронен на Новом кладбище.

Перу Аверьянова принадлежат доклады об организации разведки в Турции в военное время, краткий обзор кавказско-турецкого театра военных действий, краткий обзор военных действий на Эриванском театре в 1828-1829, 1853-1855 и 1877-1878 гг., исторический очерк о роли курдов в русско-турецких и русско-персидских

---

1 Подробнее см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М., 2005. С. 9-10.

войнах, отчет о поездке по Северному Азербайджану (Северо-Западная Персия), этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Оттоманской империи и другие.

Несмотря на потерю части личного архива в результате Гражданской войны и первых лет эмиграции, Аверьянов оставил обширное мемуарное наследие, среди которого обращают на себя внимание воспоминания под названием «Страницы прошлого». Имевшиеся у него документы и мемуары генерал сдал в Русский заграничный исторический архив в Праге, попавший после Второй мировой войны в СССР и ныне, в значительной степени, входящий в состав Государственного архива Российской Федерации. Воспоминания были написаны Аверьяновым в конце 1920-х гг. (три тома переданы архиву в 1929 г.²).

Свои мемуары, во многом, критически оценивавшие действительность, Аверьянов начал с эпиграфа «Худо ли хорошо ли, но то моя Родина»³. Аверьянов писал: «Велика моя вера в грядущее возрождение моей поруганной Родины. Верю, что уже наши внуки увидят Ее могучей Великой Россией. Но прежней России, столь близкой и милой нашему сердцу, наши внуки не будут знать...»⁴ Воспоминания открывает описание дореволюционной жизни, далее затронуты события Первой мировой войны и Гражданской войны на Юге России, а завершаются мемуары периодом эмиграции.

В той части воспоминаний, которая касалась эмигрантской жизни, мемуариста особенно интересовал вопрос адаптации офицеров к реалиям КСХС и то тяжелое положение, в котором оказалась на чужбине прежняя военная элита России в лице офицеров Генерального штаба. Речь шла, прежде всего, о генералитете и штаб-офицерах – уже немолодых, состоявшихся людях. Адаптироваться приходилось, в том числе при помощи самоорганизации, корпоративного объединения и взаимовыручки.

Аверьянов вспоминал, с чего началось корпоративное объединение русских офицеров – генштабистов в регионе. Первоначально от военного агента в КСХС генерал-майора Д.Н. Потоцкого поступила информация о том, что в Константинополе открылось центральное правление Общества русских офицеров Генерального штаба (ОРОГ-

2 Архив Славянской библиотеки (Прага). Т-RZIA. 3-2-2. Л. 3-4.

3 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

4 Там же.

Ш)⁵, а в Белграде намечалось открытие районного правления этой организации в КСХС⁶. Предлагалось организовать собрание генштабистов, проживавших и в районе Которского залива (лидером здесь считался генерал-майор В.М. Пулевич), организовать местный отдел, избрать председателя и членов правления, обсудить устав. Как выяснилось, в районе залива проживали свыше 60 офицеров, окончивших академию. По итогам собрания возглавил эту группу генерал Аверьянов. Генерал отмечал, что первым и секретным условием приема в ОРОГШ была непримиримость к большевикам. Заседания проводились в комендантском управлении генерала Пулевича в местечке Зеленики.

Появление в КСХС массы образованных русских беженцев вызвало определенные сложности. В наибольшей степени всех волновал вопрос трудоустройства. Положение офицеров различалось. Аверьянов вспоминал, что многие офицеры прибыли в Сербию до врангелевской эвакуации ноября 1920 г. и уже имели службу, работая помощниками правительственных комиссаров в секвестрированных правительством имениях австрийских и венгерских помещиков, были и контрактуральными чиновниками и «дневничарами» (внештатными почасовыми преподавателями), а немногие, обладавшие средствами, жили частным образом⁷. Офицеры Генерального штаба в КСХС получали право преподавания в гимназиях географии и математики наравне с выпускниками университетов КСХС⁸. Некоторые преподавали черчение и иностранные языки.

Кроме того, намечался прием русских генштабистов землемерами в государственный кадастр, а также на должности преподавателей иностранных языков, географии и математики в правительственные гимназии. Благодаря стараниям генерал-майора И.С. Свищева, топографов приняли в Военный географический институт для мензульной съемки Македонии и на границе с Албанией⁹.

Для освежения познаний офицеров по геодезии в 1921 г. открывались двух – трехнедельные курсы в центрах сосредоточения

5 Подробнее об этой организации см.: Ганин А.В. Общество русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Руска дијаспора и словенски свет. Сборник радова (Русское зарубежье и славянский мир. Сб. трудов). Београд, 2013. С. 107-116.

6 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 407об.

7 Там же. Л. 409.

8 Там же. Л. 417.

9 Там же. Л. 409об.

офицеров-генштабистов (Панчево под Белградом, Дубровник, Которский залив). Однако в районе последнего курсы не открылись, несмотря на ходатайство Аверьянова. Тогда местные офицеры инициативным порядком отправились на учебу в Дубровник, а в районе Которского залива остались лишь генералы Аверьянов и И.А. Ребдев. Пришлось отзывать ходатайство. Как отмечал Аверьянов, «подобный поступок членов военной корпорации, людей интеллигентных, большей частью уже пожилых и в больших чинах, совершенно немыслимый в дореволюционной русской армии, оказался вполне возможным в армии послереволюционной, даже характерным для последней и показывает, до какой степени понизились даже в наиболее интеллигентной и культурной военной корпорации после революции требования этики и восторжествовали требования шкурничества. Это печальное явление вообще наблюдалось на всех наших общих собраниях»¹⁰. Генерал-лейтенант Г.Г. Милеант даже вышел из ОРОГШ в этой связи.

В Дубровник Аверьянов и Ребдев прибыли за три дня до закрытия курсов, успев только на последнюю лекцию и съемки¹¹. Тем не менее, в итоге Аверьянов получил свидетельство об окончании курсов¹². Отделением ОРОГШ в Дубровнике руководил генерал-лейтенант В.В. Беляев, а комендантом русских беженцев являлся генерал-лейтенант С.К. Добророльский. Местные офицеры уже закончили курсы, на которых всего обучалось до 40 человек. Из прошедших переподготовку в кадастр устроились три – четыре человека, остальные – в другие места (прежде всего, в министерство народного просвещения и по военному ведомству).

Аверьянов устроился в государственный кадастр геодезистом и в течение двух лет вел съемку в общине села Радицац, что позволило ему упорядочить свой архив и написать мемуары. В общей сложности он проработал землемером пять лет. Об этой работе Аверьянов вспоминал: «Хотя и страшно тяжела была эта служба (благодаря чрезмерным требованиям официальных инструкций), но она имела и привлекательную сторону: почти 8-9 месяцев работы в поле, на свежем воздухе, на “лоне природы”, а главное – вдали от всякого начальства! И оставил я в 1926 году эту службу, главным образом, не вследствие того, что в названном году мне стукнуло 59 лет, а вслед-

10 Там же. Л. 411.

11 Там же. Л. 411об.

12 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.

ствие невозможности какого-либо лечения в сербских глухих селах для моей серьезно больной жены... Как ни как, а служба землемера офицеру Генерального штаба ближе, нежели всякая другая»¹³.

Позднее Аверьянов обосновался в небольшом городке Чуприя – административном центре Моравской области, где преподавал математику в гимназии. Узнавание Сербии русскими военными эмигрантами происходило постепенно. Многие казалось странным. Например, генерала Аверьянова в 1921 г. поражило распространение у сербов матерной брани¹⁴.

С мая 1928 г. Аверьянов служил в военно-историческом отделе Главного Генерального штаба КСХС. Здесь же служили генералы братья А.М. и В.М. Драгомировы, В.И. Баскаков, В.М. Черемисин, Б.И. Казанович, Н.А. Обручев, А.П. Филимонов, В.А. Артамонов. По свидетельству Аверьянова, «все мы размещены в двух просторных высоких комнатах нового великолепного и огромного здания на улице Милоша Великого (построенного русским военным инженером Баумгартеном), в котором с осени 1928 года помещаются все отделы Главного упр[авле]ния Генер[ального] штаба Югославии. В наших двух комнатах чиновников или офицеров-сербов не имеется, в них размещены только русские.

В соседних с нами нескольких больших комнатах находится библиотека Генерального штаба Югославии, которой заведует серб майор, а его помощниками состоят: генерал от инфантерии Пржевальский (б[ывший] главнокомандующий Кавказским фронтом), генерал от кавалерии Абациев, Генер[ального] штаба генерал-майор Владимир Николаевич Полтавцев и Генер[ального] штаба генерал-майор Шуберский. В остальных отделах Генерального штаба, а равно и в “Военном министерстве” также служат многие генералы и офицеры русской армии; служат они и в интендантстве»¹⁵.

В 1923-1928 гг. генерал Аверьянов вел обширную переписку с товарищами по прежней службе, прежде всего, с генштабистами. Речь шла о сотнях писем, представлявших ценнейший исторический материал. Впрочем, сохранить Аверьянов решил лишь 75 наиболее значимых в историческом отношении писем 17 лиц. В этих документах анализировались события Гражданской войны, разбирались причины неудачи белых. Объем писем был столь внушительным, что

13 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 65.

14 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 386.

15 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 44об.-45.

Аверьянов подготовил даже объяснительную записку по своей эмигрантской переписке, где обобщил собранные посредством переписки ценные исторические материалы, а, кроме того, привел яркие личные характеристики многих военных эмигрантов. Как отмечал сам генерал, «конечно, не пришло еще время для правильной оценки всех деятелей, и крупных, и второстепенных, пережитого и еще переживаемого нами смутного периода русской истории. Это дело не “мемуаристов” – современников этих деятелей, а будущих историков, притом историков отдаленного будущего. Но дело “мемуаристов” – сохранить для этих беспристрастных будущих историков возможно больше материала для будущих исторических приговоров»¹⁶.

Интересны наблюдения генерал-лейтенанта Н.А. Обручева, писавшего Аверьянову 12 марта 1923 г. о том, что «подавляющее большинство офицеров Ген[ерального] штаба находится в Совдепии. За границей сравнительно небольшая часть, из коих большинство, около 250 (считая в том числе и ускоренные выпуски) в Сербии и очень мало в других странах»¹⁷. Такая оценка справедлива. По имеющимся сведениям, в Обществе офицеров Генерального штаба в КСХС на конец 1923 г. значились 323 человека¹⁸.

Офицеры жили надеждой на реванш и возвращение на Родину. Сведения о подготовке такого реванша сообщал Аверьянову его друг генерал-лейтенант А.П. Архангельский, служивший в штабе генерала П.Н. Врангеля в Сремских Карловцах¹⁹.

Жизнь в КСХС и потеря прежнего статуса провоцировала фрустрацию. Близкий друг Аверьянова генерал-лейтенант Е.Ф. Эльснер с ностальгией писал 26 сентября 1924 г. про их «последнее свидание в Питере, когда мы уже из обер-офицеров для поручений сделались очень и очень большими людьми и, наконец, теперешнее наше положение бесправных, еле терпимых, живущих на подачки “братского” народа, неуверенных в завтрашнем дне... Теперешняя наша жизнь – не жизнь, а только существование»²⁰. Эльснер считал, что оказался в трудном материальном положении. Он преподавал в кадетском корпусе, что было необременительно (нагрузка составляла четыре – пять часов в день плюс два часа подготовки дома; кро-

16 Там же. Л. 2об.

17 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 64.

18 ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

19 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

20 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 183об.

ме того, летом, зимой и на Пасху были каникулы). Однако за все это платили только 1600 динаров, что составляло 30-40 довоенных русских рублей и было меньше жалованья подпоручика – то есть младшего офицера. По свидетельству Эльснера, ему не хватало средств даже на одежду. Такое положение вынуждало думать о переезде во Францию в надежде на лучшую жизнь. «Я никогда не любил денег и не гнался за большими окладами», - отмечал он²¹. Интересны рассуждения Эльснера о перспективах Советской власти. По его мнению, без внешней войны большевизм не падет, и нет надежды на возвращение эмигрантов на Родину.

На страницах воспоминаний Аверьянова можно найти целую портретную галерею его товарищей по службе, оказавшихся в изгнании. Многие характеристики и бытовые зарисовки, несомненно, пригодятся историкам для оценки тех или иных военных деятелей. Например, яркой характеристики удостоился начальник штаба Русской армии генерал П.Н. Шатилов: «К числу таких “вундеркиндов” военная среда относит, прежде всего, “Павлушу Шатилова”, личного друга покойного генерал-лейтенанта барона П. Врангеля. Никто не скажет “генерал Шатилов”, или “Павел Николаевич Шатилов”, а обязательно “Павлуша Шатилов”; это потому, что сам Врангель всегда, даже в официальных случаях и при посторонних, называл его, обращаясь к нему, не иначе, как “Павлуша!”. На Кубани, а особенно, в Крыму генерала П. Шатилова называли “злым гением” Врангеля, подобно тому, как генерала [И.]П. Романовского называли “злым гением” Деникина. Насколько справедлива такая оценка деятельности и влияния ген. Шатилова на Врангеля – я лично не могу сказать решительно ничего. Я здесь привожу лишь мнение большинства военной среды и многих лиц, которым, безусловно, верю и с мнениями которых привык считаться. Что ген. П. Шатилов имел огромное, решающее влияние на генерала Врангеля, об этом рассказывают лица, близко соприкасавшиеся с обоими генералами. Служащий ныне со мной в историческом отделе Генерального штаба Югославии, старый профессор академии Генер[ального] штаба ген[ерал]-лейт[енант] Баскаков также подтверждает это мнение, причем рассказал мне о характерном случае, уже в Константинополе, когда не Врангель распекал и отчитывал своего “подчиненного” Павлушу, а наоборот – Павлуша очень резко отчитал своего начальника генерала Вран-

---

21 Там же.

геля и это нисколько не возмутило последнего, т.е. было обычным явлением. Насколько велико недоверие военной среды талантам и моральным свойствам генерала П. Шатилова, свидетельствует тот факт, что слухи и газетные заметки о проникновении “Павлуши” и в окружение великого князя Николая Николаевича произвели в разнообразных кругах русской эмиграции в Югославии, особенно же среди военных кругов, крайне неблагоприятное, даже тяжелое впечатление. Эти газетные сведения о близости “Павлуши” к окружению вел[икого] князя возбудили в то время много толков еще и потому, что сперва циркулировали слухи о нежелании вел[икого] князя окружать себя уже “провалившимися” деятелями (как А.С. Лукомский) и, особенно, вундеркиндами (как П. Шатилов) и о якобы крайне неблагоприятном первом приеме великим князем этого последнего генерала. Издававшаяся в то время в Белграде и бывшая в оппозиции генералу Врангелю еженедельная газета “Старое время” (в противовес субсидированному Врангелем “Новому времени” М. Суворина) напечатала по поводу этого приема заметку в форме анекдота, суть которого была вполне понятна лицам, хорошо знавшим историю производства Павлуши в генеральские чины... В чин генерал-майора молодого Шатилова произвел генерал-майор Лебединский, которого поставило главнокомандующим Кавказского фронта правительство “Закавказской республики” вместо генерала от инфантерии Пржевальского, назначенного на этот пост российским Временным правительством. Даже вполне законный главнокомандующий не имел право производить в генеральские чины, а тем более такой сомнительный главнокомандующий как генерал-майор Лебединский. Затем редкую боевую награду орден Святого Георгия 3[-й] ст. “Павлуша Шатилов” получил по присуждению “Георгиевской Думы” Закавказской республики по рапорту самого Шатилова за какие-то подвиги, совершенные им на Кавказском фронте еще до развала последнего! В чин генерал-лейтенанта его произвел его друг генерал Врангель вскоре после первых удачных операций к северу от Перекопа. Наконец, в чин полного генерала его произвел тот же Врангель уже после эвакуации из Крыма, находясь в Константинополе! Естественно, что при наличии столь “законных” производств и награждений, в глазах большинства военной среды и великого князя молодой Шатилов, несмотря на 2 Георгиевских креста и на форму полного генерала, продолжал оставаться всего лишь полковником Шатиловым. Между тем великий князь хорошо знал отца Павлуши, генерала от

инфантерии Шатилова... И вот, когда великому князю, в его замке в Шуаньи, доложили о прибытии генерала от кавалерии Шатилова, то вел[икий] князь (так рассказывался в военной среде этот анекдот и так он затем был напечатан и в “Старом времени”) притворился ничего не знающим о смерти старого Шатилова и о феерической карьере молодого Шатилова и сказал: “Значит, Николай Павлович еще жив? Очень рад его видеть! Пригласите его ко мне сюда”, причем направился сам к двери, как бы спеша обнять уважаемого им старика Шатилова, но, увидя молодого Павлушу с двумя георгиевскими крестами и в погонах генерала от кавалерии, остановился и разочарованно сказал: “Это только Вы, полковник! А я надеялся увидеть вашего глубокоуважаемого батюшку!” Если это только анекдот, то, во всяком случае, хорошо выдуманый. Генерал от кавалерии Шатилов – только наиболее яркий пример “вундеркинда” и тех безобразных хаоса и произвола в производстве офицеров и генералов, который настал после развала русской армии в ее разнообразных осколках. Конечно, все это мелко и ничтожно на общем фоне гибели нашего Отечества и не заслуживает, может быть, даже упоминания, хотя бы и в примечании к “воспоминаниям”. Но ведь эти офицеры-вундеркинды... “спасали Россию” или стояли очень близко к вождям Белого движения, часто даже влияли на них и потому трудно пройти мимо них в полном молчании без жеста негодования»²².

Еще один пример. Видный военачальник периода Первой мировой и Гражданской войн генерал М.А. Пржевальский служил в библиотеке главного Генерального штаба КСХС, жил в Русском доме для высокопоставленных престарелых беженцев из России и, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем, исправно являлся на службу. По словам Аверьянова, Пржевальский «ходит уже с трудом, постоянно молчит, редко отвечает даже на предлагаемые вопросы. Тяжелой формы артериосклероз отразился на его умственной деятельности. Неоднократно предлагало ему сербское начальство не трудиться ходить ежедневно на службу, но он аккуратно приходит ежедневно к началу занятий и высиживает служебные часы полностью. В общем, тяжело видеть “пережившего” себя генерала Пржевальского, его прогрессирующее разрушение (и физическое, и умственное)»²³. Интересны и другие характеристики Аверьянова.

---

22 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 3об.-4об.

23 Там же. Л. 29об.

Жизнь в эмиграции провоцировала различные конфликты в замкнутом кругу русских офицеров. Даже в ОРОГШ не было должного единства. Существовали политические разногласия. В целом ОРОГШ ориентировалось на великого князя Николая Николаевича-младшего, в результате чего сторонникам великого князя Кирилла Владимировича (так называемым «легитимистам») пришлось выйти из организации. Среди таковых был и генерал Н.А. Обручев, на протяжении нескольких лет состоявший выборным членом районного правления ОРОГШ²⁴. Многие конфликты оказались документированы. В переписке прослеживаются и зависть, и возмущение прежними сослуживцами, совершавшими неблагоприятные поступки.

Эмигрантские трудности, тоска по Родине, известия из СССР порождали сменовеховские настроения и желание вернуться в Россию даже у некоторых генералов. В отношении возможного сотрудничества с большевиками ситуация была достаточно жесткой. Те, кто подозревался в таковом, подвергались преследованиям. Например, генерал-лейтенант С.К. Добророльский, которому пришлось выйти из ОРОГШ в связи с сотрудничеством с берлинским просоветским журналом «Война и мир». Затем у Добророльского на квартире сербские жандармы провели обыск по доносу русского полицейского чиновника по обвинению в связях с большевиками. Генерала уволили со службы и выслали из КСХС²⁵. 5 июля 1923 г. он писал Аверьянову: «Россия поумнела... Мы попали между двух эпох; оставим раз навсегда надежду на возврат в прошлое, но люди будут нужны в новой России – умеющие трудиться, и я смотрю, что пребывание наше в Сербии на ролях чернорабочих принесет нам большую пользу: мы не разучимся работать. Поэтому чем тяжелее нам здесь, тем легче будет в России. Я сомневаюсь, чтобы там нынешняя власть была свергнута, но она преобразуется постепенно в национальную демократическую власть, может быть даже с Царем во главе, но не с таким, какой был последний. Россия начинает медленно успокаиваться, так же постепенно, как постепенно нарастала революция, которая в скрытом состоянии у нас началась еще в годы Александра II, когда мы с Вами только что поступили в кадетский корпус. Размах в 40 лет, немного меньше, понадобится и для ее успокоения, а большевизм – это железный обруч, которым Россия стиснута, чтобы в пе-

---

24 Там же. Л. 32об., 59об.

25 Там же. Л. 38об.

риод своего перерождения не развалиться на куски, которые стали бы достоянием алчных соседей»²⁶.

Впрочем, злые языки говорили, что этот генерал любил роскошь и комфорт, а жизнь на скромное жалованье контрактального чиновника в КСХС (800-2500 динар) его не прельщала²⁷. Добророльский пошел по пути радикализации. Он даже выступал в Лозанне в ноябре 1923 г. свидетелем против армии Врангеля на процессе бывшего капитана Дроздовского полка М.М. Конради, застрелившего советского дипломатического представителя на Лозаннской конференции В.В. Воровского²⁸. Такие действия окончательно привели к изоляции Добророльского в среде белой эмиграции. Неудивительно, что в мае 1925 г. он уехал в СССР, где, по выявленным нами данным, застрелился в 1933 г.²⁹ Аверьянов свидетельствовал, что по вопросу об отъезде в СССР у Добророльского даже возникла ссора с генералом Е.И. Достоваловым, завершившаяся избиением Добророльского³⁰.

Другим пострадавшим в качестве «большевика» оказался сподвижник генерала М.В. Алексеева генерал-лейтенант В.Е. Борисов. Летом 1923 г. он планировал поехать в СССР, но по суду чести

26 Там же. Л. 40-40об.

27 Там же. Л. 41об.

28 Этот процесс был превращен адвокатом Т. Обером при содействии А.И. Гучкова и других русских эмигрантов в судебный процесс над большевизмом (Ганин А.В. «Красный террор» в черно-белом изображении // Родина. 2019. № 7. С. 126-129).

29 Центральный архив ФСБ России. Д. Р-10466. Т. 2. Л. 128.

30 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 39. Приведем характеристику, которую в июле 1926 г. дал Добророльскому генерал А.А. фон Лампе. По мнению фон Лампе, в документах Добророльского до 1923 г. не было «решительно ничего, что могло бы показать на колебания в смысле перехода [на сторону большевиков]... Наоборот, судя по всему этому, он, несмотря на свои годы, был порядочный жуир, отклонял навязчивую любовь своей старой связи А.Н. А-ой, искал других, более молодых (О. Роговская, какая-то Мирра, Пионтковская и т.д.) – в письмах к нему Аверьянова, Монкевица, Палицына о большевиках говорилось только одно скверное... по наружности он был очень некрасивый, маленький, но очень перцоватый и очень “генерал”... а между тем к большевикам он попал через уничтожение в Лозанне на процессе Конради, когда он за 3000 франков выступал против своих белых товарищей и сослуживцев, когда швейцарские газеты писали про него, что он подлец и т.д. Прошел он и через побои своего товарища по Лозанне Достовалова, который заподозрил Добророльского в том, что он его старается сплавить в Совдепию ранее себя и побил, встретив на улице, воспользовавшись тем, что он значительно больше и крупнее Добророльского... как дошел тот до жизни такой, понять не могу» (ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 26. Л. 40).

был исключен со службы с лишением чина³¹. Служа заведующим библиотекой Военной академии, он открыто высказывал симпатии большевикам как проводникам национальной политики. Благодаря своей эрудиции, Борисов пользовался определенным авторитетом.

Разумеется, офицеров особенно волновало недавнее прошлое – события революции и Гражданской войны, вопрос о поведении тех или иных представителей военной элиты в критические моменты, а также вопрос о причинах неудачи белых. Аверьянов активно интересовался ролью генерала М.В. Алексеева в отречении от престола императора Николая II. Отмечал, что в среде белых существовал культ Алексеева, а всякая критика находилась под запретом³². Обсуждалась в переписке и роль генерала Н.Н. Юденича в неудаче наступления белых на Петроград, и вопросы подбора командных кадров у белых. В частности, генерал от инфантерии Я.Ф. Шкинский писал Аверьянову о том, что молодой комсостав белых «представлял собой полнейшее военное невежество, неуравновешенность, низкий нравственный уровень при необыкновенном самомнении»³³.

Когда генерал от кавалерии В.И. Гурко со страниц берлинского «Архива русской революции» обрушился на принявший революцию Генштаб³⁴, центральное правление ОРОГШ решило ответить и собрать материал для опровержения. Для этого были запрошены все члены ОРОГШ, занимавшие в 1917 г. ответственные посты³⁵. Собранные ответы так и не увидели свет в связи с началом работы штаба генерала П.Н. Врангеля по сокращению штатов, ликвидации дел и отъезду из КСХС. Аверьянов предполагал, что могла быть и другая причина – «материалы освещали деятельность сравнительно ограниченного количества генералов и офицеров Генерального штаба, причем в отношении этого ограниченного числа лиц давали такие данные, которые могли скорее подтвердить справедливость суждений и выводов В.И. Гурко, нежели их опровергнуть»³⁶. Аверьянов признавал, что «в статье В.И. Гурко были лишь чрезмерно широкие обобщения на всю корпорацию деяний, надо сознаться, довольно

31 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 48об.

32 Там же. Л. 9.

33 Там же. Л. 56об.

34 Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917-1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 11.

35 ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 42об.

36 Там же. Л. 45об.

значительного количества членов этой корпорации!»³⁷ Признавал он и роль Генерального штаба в отречении Николая II от престола.

В итоге Аверьянов написал председателю центрального правления ОРОГШ генералу В.М. Драгомирову, что «Ни Гурко, ни мы не можем быть нелицеприятными судьями нашего Генерального штаба; правильный приговор над ним сможет вынести только в отдаленном будущем беспристрастный историк (если когда-либо появится такой “беспристрастный” историк) на основании всего (а не частичного лишь, как ныне) документального материала о деятельности чинов нашего Генерального штаба; кроме того, революция ведь еще не закончилась, она в сущности еще продолжается и проходит через известные еще истории этапы, причем мы еще не знаем, какую положительную или какую отрицательную роль сыграют еще на этих этапах наши коллеги по Генеральному штабу; может быть еще появятся среди них светлые герои или же мы еще не раз будем огорчены наличием в нашей среде гнусных предателей»³⁸.

Документы генерала Аверьянова являются важным историческим источником по различным вопросам. Безусловно, значимы они и для изучения истории русской военной эмиграции. Хочется надеяться, что это документальное наследие в обозримом будущем окажется востребованным исследователями.

---

37 Там же. Л. 46.

38 Там же. Л. 49-50.

Andrey Ganin, Ph.D.,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

**“Our present life is not life, but only existence...» Russian officers
in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (based
on the archive of Lieutenant General P.I. Averyanov)**

Abstract: Based on the materials in the archive of Lieutenant General P.I. Averyanov the article is devoted to the reflection of the activities of the Russian officers in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes.

Key words: officers, Russian military emigration, The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, P.I. Averyanov.